

Московкин Л., Вакурова Н. Новейшая история науки – 4.04.22 // Московская правда: [сетевое издание mospravda.ru]. – URL: <https://mospravda.ru/2022/07/04/541342/> (дата обращения 19.05.26). – Текст электронный.

новейшая история науки

Лев Московкин, Наталья Вакурова

Автор Лев Московкин

04.07.2022

Нынешнее неустойчивое состояние науки является производным от параллельных процессов научной революции и контрреволюции. Участники дискуссии в поддержку науки о корнях ее проблем не задумываются.

Закон о лицах под иностранным влиянием придал теме науки относительно новое звучание. Избирательные преследования ученых по вкусу ФСБ за передачу иностранцам открытых данных настолько шумели, что стали предметом романа Павла Астахова «Шпион». Фактически речь шла о политике государства, которая загнала отечественную систему науки и высшего образования в петлю исторически сложившейся удавки. Три десятка лет выстраивалась комплексная система коллаборации с западной наукой. Теперь систему обязательного сотрудничества с врагом рушит сам враг. Причем началось это раньше ареста авуаров и санкционных запретов на финансовые расчеты, то есть по факту дедолларизации.

Каждая затеянная Вашингтоном война сопровождалась отказами российским авторам в публикациях. В промежутках им возвращали тексты с требованиями указывать агрессивный характер отсталой России. Публикации с внесением в базу Scopus и индексацией Web of Science, по факту бесплатные для авторов из США, почти недоступны для россиян из-за платы выше зарплаты. При этом без публикаций, индексируемых в международных базах, невозможно пройти переаттестацию. После 24 февраля Scopus и Web of Science приостановили доступ для россиян. Казалось бы, надо освобождать ученых от навязанной Западом кабалы. Вместо этого начался очередной этап борьбы со шпионами.

До маккартизма и люстрации в России вряд ли дойдет, однако за науку тревожно. Тем более, судьбы ученых таковы, что они имеют полное моральное право ненавидеть

Родину, что и делают весьма активно с кукишем в кармане. Их тридцать лет так воспитывали, что хороший ученый – это тот, который хорошо оценивается на Западе, и грант можно получить, только если в коллективе есть иностранный ученый.

Академия наук подверглась отдельным специально организованным атакам с участием федеральных телеканалов в отношении имущественного комплекса Президиума РАН. Зампред Думы от КПРФ, профессор МГУ Иван Мельников привязал к реформе Академии цель стимуляции отъезда ученых за рубеж. Война за имущественный комплекс Академии идет до сих пор, причем почему-то в основном с президентом РАН Александром Сергеевым. Он считает, что имущество Академии нужно оставить в управлении Роскомимущества. Однако его подчиненных кроме имущества, ничего больше в науке не интересует. Вот так у РАН впервые вменяемый президент. Но он не может повлиять на решения академии, которой информатизация с цифровизацией не нужны, и потому ВИНТИ пошел по стопам ГУУ. После ГУУ, личной мишени одиозного Минобра Дмитрия Ливанова, схема приобрела универсальный размах. Это называется центрифугальный отбор Ивана Шмальгаузена. За утверждение «Дарвин неправ» последний эволюционист России Юрий Чайковский был отлучен от науки, не допущен в экспертный совет Совета Федерации и отлучен от публикаций в сохранившемся осколке советской системы научно-популярной журналистики, журнале «Наука и Жизнь».

Хотя наши собственные судьбы простыми не были, и это очень мягко говоря, нам, однако, непонятно, почему вместо анализа событий надо согласно навязанным презумпциям ненавидеть страну пребывания и видеть причину всех собственных несчастий лично в Путине. Возникает сомнение в адекватности товарищей ученых. Впрочем, сомнение в адекватности товарищей ученых возникало постоянно со времен товарищей Сталина и Лысенко. Ученые всегда приспособивались к тому, к чему приспособиться невозможно, поэтому следует вести себя нестандартно и мыслить не линейно, а латерально. Можно сравнивать ученых с Бурданаковым ослом и иллюстрировать проблему выбора в поиске истины путем линейного мышления анекдотом про ночную рубашку жены ученого длиной десять метров, однако факт – ученые вовсе не стремятся к завершению процесса поиска истины. Имманентная проблема науки никак не связана ни с внешним влиянием, ни с внутренним регулированием науки.

Получается имитация процесса поиска черного кота в темной комнате, которого там нет, и при этом, согласно традиции, надо время от времени кричать «Вот он, нашел, нашел!» Остальное доделают журналисты типа Г. Проницательного и Б. Питомника при профессоре Выбегалло в чудесной повести Стругацких про НИИЧАВО. Никакой фантастики, чистая правда.

Время романтиков в науке ушло вместе с Владимиром Вернадским, Николаем Вавиловым, Николаем Кольцовым, Сергеем Четвериковым, Николаем Тимофеевым-

Ресовским. Более всех фантастична судьба **Тимофеева-Ресовского.** Его еще в 1925 году учитель Кольцов отправил в Германию, справедливо полагая, что человек со столь неуемным темпераментом в России не выживет. **Тимофеев-Ресовский** не просто выжил в Институте мозга в Берлин-Бухе, но и развернул там масштабные исследования по генетике дрозофилы. Именно в Берлин-Бухе были сделаны фундаментальные открытия в генетике пенетрантности и экспрессивности гена на примере рецессивной мутации *Venae transversa interrupta*. Чтобы установить истину, поглотительным скрещиванием мутацию ввели в сто линий *Drosophila melanogaster*. А до этого в Москве **Тимофеев-Ресовский** отметил тем, что съездил по трамвайным путям на паровозе с целью своровать реактивы, потому что ученых тогда в недолгий лихой период научного романтизма не обеспечивали ни зарплатой, ни расходными материалами для исследований. Но они оставались патриотами и науки, и страны.

Однако осуждать коллег последующих материализованных поколений ученых мы не можем, условий для работы и нормального существования у них нет. Таково отношение к науке в России – «стране мечтателей, стране ученых». Воспитали людей, сохранивших свое пубертатное состояние пожизненно. Пубертация без промежутков перетекла в кризис и затем в климакс, со всеми положенными болезнями сна и общения. Возможно, это стало следствием гибридного дизгенеза. Он проявляется не только в узком смысле Margatet Kidwell в связи с неограниченным размножением конкретного мобильного элемента, но и во время метаморфоза с перестройкой паттерна мобильных элементов, триггерирующих генную экспрессию, по-разному у *Protostomia* и *Deuterostomia* с ВНД.

Нет выше эксперимента, чем эксперимент над экспериментаторами. И грош им цена, если они импотенты в описании собственных ощущений. Достоевский мог, а эти нет на материале намного более богатом. Видимо, не было мотивации в виде карточных долгов. Но карточные долги не всегда помогают, судя по роману Вениамина Каверина «Двухчасовая прогулка». Нам остается думать, с нормами по образу и подобию закона США FARA 1935 года российский законодатель в чем-то прав, и иного пути нет. Хотя на практике нормы получились хилые. Замах на рубль, удар на копейку. Либеральные журналисты и артисты склонны бежать из России без всякого закона по зову своего сердца, настроенного на программирование по неким установкам.

Ученым деваться некуда. Провал западной модели науки во время инфодемии не оставил шансов естественникам. Слом остатков Бреттон-Вудской системы после 24 февраля отнял шансы у гуманитарной науки. В этой статье мы не хотели бы касаться вопроса, о каком государстве идет речь. Для нас этот вопрос решен и описан в многочисленных публикациях. Россия весьма информированная страна, и наука здесь развивается зачастую в организациях вне номинального статуса.

А для нас опять забрезжила заря другой эпохи, согласно дефиниции всегда лучшей. Уже сколько раз так было. Совершенно с теми же чувствами мы встречали начало

семидесятих годов, когда в МГУ началась реформа с имитацией повышения зарплаты научным работникам. Затем она распространилась на НИИ Академии наук. Отличная идея: предложить научному коллективу выявить неэффективного сотрудника, подлежащего увольнению якобы для повышения зарплаты всем остальным. Неэффективными стали все, потому что передрались, как и было задумано.

Это было время, когда решения приходили со Старой площади, но научно-образовательным структурам запретили ссылаться на высшее партийное руководство страны. Как мы теперь знаем, тогда шла постепенная передача публичной партийно-советской власти под теневое управление deep state. Отсюда парадоксальное проникновение элементов западной пропаганды в политинформации и курсы марксизма-ленинизма. Того же рода решение Киевского УКГБ СССР о проведении антинаучного эксперимента на Чернобыльской АЭС.

История познала в России сослагательное наклонение – веком ранее большой революционный пожар царская власть пыталась предотвратить, он все равно произошел и жертв было намного больше. И все равно империя возродилась после распада, причем на более высоком уровне организации, устойчивой к человеческому фактору. Соответственно в новом XXI веке попытки революций удалось предотвратить.

В общем, здесь ответ на сакральный вопрос Владимира Жириновского о том, почему наука не сумела предсказать потрясения в конце XX века. Смотря какая наука. Мы же не сами придумали все то, что здесь написано. Спасибо советской системе образования, спасибо Alma mater МГУ, который мы окончили на разных факультетах. И продолжаем учиться всю жизнь по, как теперь говорят, индивидуальным образовательным траекториям.

Чтобы ответить на вопрос, как спасти науку, нам необходимо понять, что с наукой произошло и как она попала в нынешнее состояние. Состояние науки адекватно отразил цитогенетик Иван Юров, его [интервью](#) опубликовано в МП. Правоту Юрова подтвердил в своем интервью сотрудник Зоомузея МГУ Кирилл Михайлов. Для полноты картины следует заглянуть в [интервью](#) директора ВИНТИ Юлии Щуко, оно опубликовано раньше.

Смысл прост. Англосаксы не умеют выводить общественные системы на макроэволюционный режим стабилизации, обладая всей полнотой инструментария генетической инженерии in robori для запуска режима катастрофы. Катастрофа приносит одновременно высокую гибель и появление нового. Без стабилизации система переходит в канцерогенный режим вечной жизни, зависимой от паразитарного притока ресурсов.

Нечто подобное произошло с англосаксонской наукой. Получился такой затратный самодостаточный слой жизни, изолированный от других слоев жизни общества.

Согласно выводам Юрова, развитие науки определяется четырьмя факторами – мода, конъюнктура, журналистский хайп и диктат монопольных поставщиков лабораторного оборудования. Полученные результаты не поддаются интерпретации. Это результат полувекового процесса, идущего с начала семидесятых. Новейшую историю науки придется хотя бы пунктиром представить заново.

До XX века история науки освещена разнообразно и противоречиво, но все же она описана, и какую-то картину представить можно. Что касается эволюционных воззрений, они описаны многократно. Мы настоятельно рекомендуем пользоваться схемой на основе архивных изысканий Юрия Чайковского. Он описал не только презумпции Чарльза Дарвина, но и эволюционную модель Эразма Дарвина, ставшую основой ламаркизма. Символично, что в Дарвиновском музее в Москве с Эразмом Дарвином и Жаном-Батистом Ламарком произошло примерно то же, что и в Британии. Одного забыли, другого задвинули в плохо освещенный коридор.

История науки в XX веке оказалась в провале, заполненном кое-как такими предрассудками, как уничтожение генетики лично товарищем Лысенко с последующим возрождением непонятно чего. На самом деле, конечно, при Лысенко и особенно после сессии ВАСХНИЛ 1948 года генетики потеряли свои посты в науке, и не обошлось без смертных случаев. Однако селекция, племенной материал и сама база науки – всё это было сохранено. Системное уничтожение началось спустя двадцать лет. В семидесятые-восьмидесятые годы силами самих ученых были разрушены не только научные коллективы, но и научные школы. Затем уже под управлением свыше началось уничтожение селекционной базы, генетических коллекций и племенных центров с вывозом ценного материала в США, ликвидация российской интеллектуальной собственности в генетике.

Российский селекционный потенциал был присвоен Monsanto. Несомненно, очередная атака Норвегии на права России в зоне Шпицбергена по Договору 1930 года направлена не просто на демонстрацию силы НАТО, но и захват коллекции Николая Вавилова.

Однако события сакрального двадцатилетия перед распадом СССР были неоднозначными и противоречивыми. Именно во время под отвлекающим названием «эпоха застоя» активно готовился формат будущего мира за счет конвергенции систем глобального управления на основе антагонистических идеологий. В это время в науке параллельно и независимо прошли естественнонаучная революция и гуманитарная контрреволюция. Мы отсчитываем старт революционных событий в науке от событий между мировыми войнами. С одной стороны, это индуктивное осознание общего смысла теоремы Гёделя о неполноте арифметики, показавшее недостижимость построения «Общей теории всего», сатирически описанной Станиславом Лемом.

Запустил будущую революцию в науке Николай Владимирович **Тимофеев-Ресовский** своей неукротимой пропагандой на Западе идей и достижений русской науки и повышенным вниманием к статье 1935 года в легендарной «зеленой тетради». Когда собственные идеи получили признание за рубежом, они автоматически были признаны и на Родине. Например, идея Константина Мережковского о симбиотическом происхождении эукариотической клетки была признана без ссылки на автора под именем Lynn Margulis. На **Тимофеева-Ресовского** тоже не ссылались даже в книге Шрёдингера «Что такое жизнь», написанной под его влиянием. Мы обнаружили всего одну ссылку на открытое русским генетиком явление пенетрантности и экспрессивности в книге Хата «Генетика животных».

У **Тимофеева-Ресовского** сохранилось в стране и мире множество фанатичных поклонников и последователей, однако некие темные силы оказались выше истины. Вывезенный из Берлин-Буха кинодокументалистом Еленой Саканян архив семьи **Тимофеевых-Ресовских** пропал из квартиры мужа Саканян, историка генетики Василия Бабкова после его таинственной неожиданной смерти в санатории. Общественному мнению упорно навязывалась оценка личности **Тимофеева-Ресовского** «фашист, ставил опыты на людях».

Судьбоносная статья «О природе мутации генов и структуре генов» для творчества **Тимофеева-Ресовского** была вполне рутинной. В оригинале называется Timofeeff-Ressovsky, N. W., K. G. Zimmer, and M. Delbrück «Über die Natur der Genmutation und der Genstruktur» (Weidmannsche Buchhandlung, 1935). Nachrichten Göttingen – «Über die Natur der Genmutation und der Genstruktur» (1935). По резонансу это была бомба, взорвавшая блок предрассудков, обозначенных словами соавтора двойной спирали Джеймса Уотсона «биология должна быть сложной». **Тимофеев-Ресовский** не опровергал англосаксонскую науку подобно Данилевскому, который посвятил остаток жизни в Крыму пошаговому опровержению презумпций Чарльза Дарвина. **Тимофеев-Ресовский** просто, это для него было просто, представил адекватную концепцию доказательной точной науки. Он прочитал ген, как открытую книгу. С этой статьи начался процесс, лишивший сначала биологию, а затем и гуманитарную науку права на исключительность бездоказательного формата.

Последствия были феерическими. Генетиков с их открытиями перестали шельмовать, эта традиция возродилась в девяностых, и последовал пучок нобелевских премий за открытия в генетике, начиная с двойной спирали ДНК Джеймса Уотсона и Френсиса Крика. Двойная спираль стала назойливым графическим мемом, сопровождающим любые темы с упоминанием генетики. Джеймса Уотсона за попытку пропаганды генетических открытий зашельмовали в США до утраты личности. Сукцессии мема двойной спирали не помешала утрата автора. Как и то, что и ДНК, и белок в истории Жизни на Земле были не всегда.

На арену истории науки вышли люди, для которых истина ничто, PR – всё.

Но это позже, сначала прошла революция в науке. Просвещенная часть человечества, а за ней и научное сообщество обратило внимание на неслучайность стохастических процессов в экспериментах, независимость поведения системы от поведения ее элементов и роль самоорганизации, доминирующей по сравнению с генетической программой в ДНК.

Да и сама ДНК оказалась не программой, а самодостаточным уровнем жизни. Она кодирует тело с двумя целями – чтобы контролировать собственную чистоту и создавать свое легитимное место жительства типа лужи для головастиков. Лужа высохнет, головастики отбросят хвост и разбегутся, ДНК представляется вечной. Революция в науке вывела на арену дискуссии так называемые нематериальные сущности, зарезанные «Бритвой Оккама». Чайковский считает, что Оккам писал о другом.

Нематериальных сущностей несколько, это, прежде всего, информация Шеннона и жизненная сила *Vis vitalis*, ставшая основой эволюционного учения старшего Дарвина и его последователя Ламарка. Ламаркисты в СССР лысенковского лагеря взяли на вооружение нечто такое, что, по их мнению, опровергало модель комбинаторики генов Грегора Менделя. В системных выводах оба лагеря разными словами пришли к одному и тому же в виде описанной в монографии «Непостоянство генома» Романом Хесиным-Лурье генетической нестабильности. Мало того, лысенковка Фаина Куперман использовала фактически генетическую инженерию *in vivo* без единого упоминания корня «ген», перенесенную *in vitro* ее ученицей Изабеллой Марьяхиной.

Работы Куперман описаны в монографии бывшего депутата КПРФ Виктора Шевелухи. Работы Ивана Глуценко по генетической нестабильности сельскохозяйственных растений и ее использованию в селекции утрачены. Менделистам-морганистам неизвестны ожесточенные споры Глуценко с Лысенко, после чего народного академика увозила скорая помощь. Сам Лысенко не хотел верить в ген, пока ему его не покажут. Ген бета-галактозидазы был впервые показан на электронной микрофотографии в работе 1961 года Shapiro et al. Видел ли ее Лысенко, нам неизвестно.

В любом случае, автор «Не хлебом единым» Дудинцев в романе «Белые одежды» оклеветал ученых-селекционеров, и возмущенный Глуценко написал протест. Были ли от этого последствия, нам неизвестно. Политики в науке больше, чем в науке в политике. Идеологические разногласия застили разум. Однако истина сохранилась.

Жизнь есть способ существования информации, и за пределами Жизни информация не существует в нашем понимании на Земле. Наши собственные исследования показали то же, о чем писал Чайковский. Совокупность сублетальных факторов может как убивать, так и стимулировать жизненную силу в зависимости от эволюционного состояния системы. Например, инфодемия в России в большей степени стимулировала

жизненную силу, чем на Западе. Революция в науке стала бы прорывом, если бы параллельно не была проведена контрреволюция. Ее авторами руководила профессиональная ревность, как у лысенковцев к генетикам, только тут все было более непримиримо. Единственная генеральная цель контрреволюции состояла в возвращении науки в бездоказательный гуманитарный формат разнообразных «общих теорий всего».

Получился эклектичный гибрид весьма странной химеры. В настоящее время чистая гуманитарщина мало кого удовлетворяет. Владение доказательной математической базой получило применение практически в любой сфере. Однако мифические стереотипы политических презумпций остаются сильнее доказанной истины. Вместо естественного отбора лучших в макроэволюционном режиме катастрофы действует обратный вариант, центрифугальный отбор Шмальгаузена, как и было доказано.

Ученые это видят повсеместно и, прежде всего, на себе, но упорно продолжают проповедовать естественный отбор. Кстати, Чарльз Дарвин писал о превосходстве привилегированных рас, естественный отбор для него имел вспомогательное значение. Распространенная основа «Теории Дарвина» взята у Уоллеса.

Теория журналистики немыслима без контент-анализа, однако в общем виде раздела математики кластерный анализ не проводится даже в биологической таксономии, количественной генетике и антропологии, для чего он был разработан.

Россия – страна контрастов и парадоксов, здесь на публичной арене появляются такие фигуры с естественнонаучным мышлением, как главред RT Маргарита Симоньян, декан [Журфака МГУ Елена Вартанова](#). Ректору МГУ Виктору Садовничему и президенту Академии наук Александру Сергееву естественнонаучное мышление положено по штату, но все равно это редкость, потому что повсеместно идет натуральная война корпорации с начальником.

Идеологическая война подается как спор якобы хозяйствующих субъектов и декларативно идет за имущественный комплекс. В споре неизменно торжествует либо какая-то антинаучная концепция вроде глобального потепления антропогенной природы, либо простая русофобия, одинаково с презумпциями, что писать, как и о чем. Но это же не наука, а бизнес на крови. Вопрос «Как нам обустроить науку» имеет простой ответ – надо сначала отвязаться от пуповины коллаборации и производить собственную инструментальную лабораторную базу, чтобы полученные на ней результаты интерпретировались и работали на развитие экономики и демографии.

Ну и самое главное на текущем этапе – купировать процесс распада и защитить таких людей, как Садовничий, Сергеев и Вартанова. Тогда они найдут верный путь в науке и все сделают сами.

Теоретически нужна реформа науки с разработкой адекватной классификации на основе базы ВИНТИ, с распространением ее на всю науку. На наш взгляд, без этого с надеждой на прекращение санкций и возрождение в какой-то форме импорта и коллаборации вливать деньги в науку бесполезно.

Лев Московкин, Наталья Вакурова.

Иллюстрация – фрагмент суперобложки книги “История физики”, 1970, издательство “Мир”

Тэги

Вавилов

Вернадский

Данилевский

Дарвин

наука

Сергеев

Тимофеев-Ресовский

Чайковский

Четвериков

Шмальгаузен